

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.30>

Петренко Георгий Кириллович, Ульяницкая Любовь Александровна, Шумков Андрей Арнольдович
ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ИНТОНАЦИОННАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ФЛАМАНДСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В статье проводится теоретический научный обзор, посвященный проблемам исследования фонетической интерференции. Рассматривается языковая ситуация в Бельгии, в частности результаты речевых контактов носителей нидерландского и французского языков на примере фонетических особенностей современных фламандских диалектов. Изложены теоретические и практические (методологические) проблемы изучения интонации (её определения и классификации интонационных конструкций) и интонационной интерференции. Обобщены результаты эмпирических исследований интонационной интерференции за последние десятилетия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 141-147. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Новые земляки**: газета. 2017. № 10. Октябрь.
6. **Новые земляки**: газета. 2017. № 11. Ноябрь.
7. **Новые земляки**: газета. 2017. № 12. Декабрь.
8. **О редакции** [Электронный ресурс] // Переселенческий вестник: газета (Zeitung Aussiedlerbote). URL: <http://aussiedlerbote.de/o-redakcii/> (дата обращения: 12.12.2017).
9. **Оглезнева Е. А.** Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.
10. **Переселенческий вестник**: газета (Zeitung Aussiedlerbote). 2016. № 114. Январь.
11. **Переселенческий вестник**: газета (Zeitung Aussiedlerbote). 2016. № 115. Февраль.
12. **Переселенческий вестник**: газета (Zeitung Aussiedlerbote). 2016. № 116. Март.
13. **Переселенческий вестник**: газета (Zeitung Aussiedlerbote). 2016. № 117. Апрель.
14. **Переселенческий вестник**: газета (Zeitung Aussiedlerbote). 2016. № 118. Май.
15. **Протасова Е. Ю.** Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 4. С. 49-60.
16. **Смолярова А. С.** Проблемы трансляции демократических ценностей в текстах русскоязычных газет в Германии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22. С. 173-179.
17. **Shovgenin A. N., Shovgenina E. A.** The newspapers of russian-speaking diaspora in Germany and its sociolinguistic space // Russian linguistic bulletin. 2015. № 4. P. 17-21.

LINGUISTIC PECULIARITIES OF MODERN NEWSPAPERS OF THE RUSSIAN GERMANS IN GERMANY: VOCABULARY AND GRAPHICS

Oglezneva Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
*National Research Tomsk Polytechnic University
Tomsk State University of Architecture and Building
eoglezneva@yandex.ru*

Itsenko Aleksandra Viktorovna
*National Research Tomsk Polytechnic University
itsenko@tpu.ru*

The article analyzes linguistic peculiarities of the modern German press in Russian, which is published by the Russian Germans, the representatives of the fourth wave of the western branch of the Russian emigration. The study focuses on specific linguistic phenomena that manifest themselves in the vocabulary and graphics of Russian newspapers. The analyzed linguistic peculiarities testify to growing bilingualism of the newspapers and indicate the Russian Germans' search for national identity under new historical circumstances. Newspapers "Pereselencheskii vestnik" ("Resettler's Messenger") (2016) and "Novye zemlyaki" ("New Compatriots") (2017) served as research material.

Key words and phrases: Russian language abroad; the Russian émigré press; the Russian Germans; linguistic peculiarities; lexical peculiarities; graphical peculiarities; borrowings; foreign-language insertions; national identity.

УДК 811.1/2

Дата поступления рукописи: 30.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.30>

В статье проводится теоретический научный обзор, посвященный проблемам исследования фонетической интерференции. Рассматривается языковая ситуация в Бельгии, в частности результаты речевых контактов носителей нидерландского и французского языков на примере фонетических особенностей современных фламандских диалектов. Изложены теоретические и практические (методологические) проблемы изучения интонации (её определения и классификации интонационных конструкций) и интонационной интерференции. Обобщены результаты эмпирических исследований интонационной интерференции за последние десятилетия.

Ключевые слова и фразы: интонация; фонетическая интерференция; нидерландский язык; французский язык; фламандские диалекты.

Петренко Георгий Кириллович
Ульяницкая Любовь Александровна

Шумков Андрей Арнольдович, д. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)

Komrad-georgy2010@yandex.ru; ulianitckaia_liubov@mail.ru; noizen@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ИНТОНАЦИОННАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ФЛАМАНДСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Будучи живой подвижной системой, естественный язык постоянно подпадает под воздействие двух сил. Одна направлена на сохранение и закрепление его структуры, поскольку основной функцией языка является

осуществление успешной коммуникации между его носителями и определённое языковое постоянство необходимо. С другой стороны, на язык действует сила, провоцирующая его изменение, так как язык вынужден подстраиваться под реалии беспрестанно меняющегося мира и иметь возможность обслуживать человеческую необходимость в номинации новых явлений, артефактов, процессов. Одним из наиболее интересных, вызывающих в последнее время особое внимание лингвистов феноменов, приводящих к изменениям в языковой структуре, является языковая интерференция.

Языковая интерференция является предметом интереса не только лингвистов, занимающихся общим языкознанием, но и предстает одним из главных предметов внимания в междисциплинарном направлении – социолингвистике. Языковая политика в странах с более чем одним официальным языком может стать острой политической, социальной и даже личной для любого из жителей государства проблемой. Условия, приводящие к необходимости отстаивания «языковых» прав в смешанном языковом обществе приводят зачастую к конфликтам, непониманию, сильной оппозиции, предвзятости, некомфортной среде проживания и т.д. Однако, когда в государствах, в которых сосуществуют два и более языков, носители одного языка стремятся к обособлению и всячески стремятся к сохранению своего языкового наследия, непременно происходит процесс языкового смешения, пусть и вопреки воле носителей, вовлеченных в этот процесс. В большей или меньшей степени интерференция затрагивает все уровни языка.

В условиях расширяющихся языковых контактов в эпоху полилингвизма представляется необходимым пристальное изучение феномена языковой интерференции как с точки зрения общего языкознания для выявления закономерностей, лежащих в основе любой языковой системы, так и в прикладном плане с целью усовершенствования методов овладения иностранными языками. Главными трудностями нидерландской фонетики являются оппозиция «долгота-краткость» гласных звуков, произнесение специфических нидерландских дифтонгов, а также особенности интонации. Изучение фонетической и интонационной интерференции является актуальной темой для исследования, так как обусловлено самим процессом освоения любого иностранного языка. А неоднозначная социокультурная и политическая ситуация в многоязычной Бельгии делает проблему изучения лингвистических особенностей фламандского языка острой и требующей особого внимания.

Интерференция затрагивает все языковые уровни, однако на некоторых из них проявляется заметнее, нежели на других. Так, фонетическая интерференция предстает одной из наиболее распространенных и очевидных форм смешения языков. В условиях интерференции принято разграничивать взаимодействующие языки на первичный и вторичный. Тем самым изучение фонетической интерференции состоит в выяснении того, как носитель первичного языка усваивает фонемы вторичного и воспроизводит их по правилам первичного языка.

Проблемам фонетической интерференции посвящены работы многих лингвистов, отечественных и зарубежных. Так, Б. Н. Ахметжанов [3], Л. В. Бондарко [4], У. Вайнрайх [6], Н. Н. Варюшенкова [7], Л. А. Вербицкая [8], М. В. Гордина [8], К. К. Дугашева [12], Д. Э. Заманстанчук [25], Г. Н. Лебедева [4], Н. А. Любимова [17], Х. Ф. Лэйва [4], А. М. Кузнецова [15], Н. Н. Рогозная [25], Л. В. Щерба [27] уделяли в своих исследованиях этому явлению особое внимание.

Основываясь на фонологическом анализе, можно выделить следующие типы интерференции:

- 1) недифференциация фонем;
- 2) сверхдифференциация фонем;
- 3) реинтерпретация различий;
- 4) субституция звуков [6, с. 45-46].

Интересно отметить факт существования двойной фонетической интерференции. Когда одноязычный индивид (не имеющий специальной лингвистической подготовки) слышит, как на его языке говорят с иностранным акцентом, то само это его восприятие и интерпретация этого акцента будут подвергаться интерференции со стороны его родной фонетической системы [Там же, с. 48].

Фонетической интерференции подвержены все, кто так или иначе является средоточием двух и более языков: билингвы; носители языка, проживающие в стране с двумя и более официальными языками; студенты, приступающие к изучению иностранного языка и т.д. Степень внедрения фонологических тенденций вторичного языка в первичный (или наоборот) может смягчить высокий уровень фонетической перцепции, однако избежать её полностью невозможно.

В частности, фонетической интерференции подвержены и носители диалектов, в особенности в странах со сложной языковой ситуацией, подразумевающей сосуществование нескольких языков в статусе официальных. Бельгия, пожалуй, один из самых ярких примеров государства с крайне сложной, исторически резко меняющейся, основанной на культурном прошлом и настоящем языковой системой. Несмотря на наличие трёх государственных языков (французский, нидерландский, немецкий), именно между французским и нидерландским сложились неоднозначные отношения взаимного влияния и проникновения на протяжении уже нескольких веков. Французский язык в Бельгии представлен в том числе четырьмя валлонскими диалектами, тогда как назвать точное число фламандских диалектов, используемых в разговорной речи бельгийцев, практически невозможно. Однако, традиционно принято выделять несколько основных городских диалектов (именно городских, так как за пределами города бытует уже другой диалект): антверпенский, гентский и брюггский диалекты. (К. Л. Ледеганш, фламандский поэт XIX века, назвал Антверпен, Гент и Брюгге “drie zustersteden” («три братских города») в одноименном сборнике стихов 1846 г. [32, р. 33].) Городской диалект

сильно отличается от диалекта сельской местности и вследствие своей разнородности и подвижности развивается по своим особым нормам и законам. Так, городской диалект развивается двумя способами: приравнивается к региональному языку и постепенно подвергается ассимиляции; или же сохраняет самостоятельность, постепенно начинает четко вырисовываться и становится точнее.

Начиная со времен позднего Средневековья в Бельгии в каждом городе водворяется франкоговорящее ядро, представители которого относятся к высшему классу. В 1797 французы официально утвердили свой язык, и даже во времена Республики Соединенных Провинций французский оставался в активном употреблении среди населения. По примеру французских властей нового бельгийского государства буржуазия говорила на французском языке и для того, чтобы быть похожей на высшие слои общества, простые люди также стремились использовать французские слова и обороты, в результате чего возник, например, так называемый “Franswets” (от *Frans* – французский язык и *Antwerps* – антверпенский диалект).

Диалектальные различия обнаруживаются преимущественно в области лексики и фонетики. Городской диалект может варьироваться как при употреблении отдельных лексем, так и при их произнесении: средний класс, женщины и молодежь чаще используют книжный (так называемый «буржуазный») вариант; среди представителей рабочего класса, пожилых людей и мужчин в основном распространены более упрощенный вариант языка.

В связи с тем, что диалекты существуют дольше, чем литературный нидерландский, сложившийся в XVII веке как попытка «привести языковое разнообразие к общему знаменателю», диалекты являются более разнообразными с точки зрения фонетики, чем сам нидерландский язык.

К сожалению, диалектальным особенностям вариантов фламандского языка посвящено незначительное количество работ. Сравнительный анализ трёх фламандских диалектов проводился на материале пособия по фламандскому языку “Flemish phrasebook for French speakers” [30]. Приведенные примеры в пособии касаются грамматических, лексических и фонетических черт каждого из рассматриваемых диалектов. В этой статье будут рассмотрены примеры фонетических особенностей антверпенского, гентского и брюггского диалектов.

Как уже было сказано выше, одними из основных отличий являются отличия фонетические. В «стандартном» фламандском нидерландском, *tussentaal*, дифтонги отличаются от обычных дифтонгов в связи с тем, что звуки здесь совсем не подвергаются дифтонгизации или делают это едва заметно:

- диалект Антверпена – *ʔ Antwaarps toltje (het Antwerps taaltje* – небольшое антверпенское наречие, которое относится к брабантским диалектам):

- обнаруживается типичное, очень «острое» (утрированное) произношение гласных *i* и *u* в антверпенском диалекте;

- некоторые долгие гласные укорочены:

a geeft вместо *aaj geeft (hij geeft* – он дает) (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. У.);

de grutste (de grootste – самый большой);

- появляется безударный гортанный звук, похожий на *un: brieëd (breed* – широкий), *brieëd (breed* – дерево);

- долгий “а” может произноситься как нидерландское недифтонгизированное *au*, которое мы будем транскрибировать как *au: gaun (gaan* – идти), *dauder (dader* – автор / виновник);

- краткий гласный (кроме *a*) + *n* + *t/d/s/z* иногда назализирует *n* (который становится образно говоря звуком *ng* как во французском “ongle”): *ongzen ongd (onze hond* – наша собака);

- диалект Брюгге – *Brugs, brugeois* – является частью Западно-Фламандского (*West-Vlaams, ouest-flamand*, на котором говорят в Западной Фландрии) и обладает также некоторым своеобразием:

- буква *g* обычно произносится как один *h* с придыханием: *je haat (hij gaat* – он идет);

- *h* как правило не подвергается аспирации. В результате *Heilige Geest (Святой Дух)* становится *Geilehe Heëst* – святым развратником!

- между звуками *oe* (французское *ou*, соответствующее нидерландскому звуку *ou/au*) и *t* появляется *k*: *je îst oekd (hij is oud* – он стар);

- *e* (произносится как “e”) перед *l* становится *a*: *zalf (zefl* – тот же / собственный);

- краткий / долгий *a* перед *l* становится кратким *o*: *ollemolle (allemaal* – все);

- долгий *u* перед *r* становится кратким *u*: *de mur von de sjhur (de muur van de schuur* – стена сарая);

- долгие гласные, по всей видимости, подвергаются дифтонгизации, как это случается и с некоторыми голландскими звуками: *veël (veel* – много), *bowge (boog* – арка);

- диалект Гента. Из трех диалектов Гентский, *Gèens, Gents* (географически расположенный в Восточной Фландрии, но на лингвистическом уровне – во многом за ее пределами) включает больше всего французских слов. Гентский диалект имеет следующие характеристики:

- краткие гласные часто растянуты:

da kiendse ziit ôp de mate (dat kind zit op de mat – этот ребенок сидит на ковре);

- краткий *o* превращается в *oe* перед *n*:

zoendag (zondag – в воскресенье), *joengne (jongen* – мальчик);

- краткий *o* перед *p, f, v, k, g, m* произносится как *ô* (*o*, тяготеющее к голландскому *ou/au*):

aafkolme (afkomen – приходиться / подбегать);

- долгий *o* может становиться долгим *u*:

duze (doos – коробка), *puurtse (poortje* – портал);

- *e* (произносится как “è”) перед *l* становится *a* (как и в диалекте Брюгге);

- безударный *e* перед *l* становится *ol* в разговорном языке:
apol (*appel* – яблоко);
- *i* произносится как *ei* перед носовым *n*:
zeinge (*zingen* – петь).

Пожалуй, весьма существенным фактором при освоении фламандских диалектов является интонация, перенимаемая ими из французского и нидерландского языков. Нами замечено, что французский или нидерландский «флер» чаще ощущается во фламандских диалектах на уровне интонации, чем на уровне фонетики, поэтому мы считаем необходимым учитывать интонационные особенности фламандских диалектов, для чего требуется серьезная научно-практическая база.

Интонация – крайне неоднозначное и сложное понятие, включающее в себя как объективные физические характеристики, составляющие основу этого явления, так и субъективно воспринимаемые психофизиологические характеристики. «Термины *высота [тона]*, *громкость*, *длительность* и *тембр* часто используются как слуховые корреляты *основной частоты*, *интенсивности*, *продолжительности* и *спектральных характеристик* соответственно» [31, р. 6]. Отсюда вытекает и вполне естественное разнообразие определений интонации, так как одни учёные сосредоточены на физико-акустической стороне данного явления, тогда как другие больше интересуются процессами его порождения и восприятия. Вопросами интонации в отечественной лингвистике занимались многие видные учёные: Л. В. Бондарко [4], Е. А. Брызгунова [5], Ю. С. Маслов [18], А. А. Реформатский [24], Н. Д. Светозарова [26], Л. В. Щерба [28] и многие другие. Интонация, как речевая, так и музыкальная, является также и объектом пристального внимания музыковедов, таких как Б. В. Асафьев [2].

Термин «интонация» близок к термину «просодия» или «просодика», использовавшемуся ещё античными грамматистами для обозначения явлений, сопутствующих основной артикуляции [26, с. 6]. Как правило, просодию считают более широким термином, включающим интонацию, а также ударение [16, с. 197-198]. Иногда говорят о просодии как об интонации в широком смысле (см. выше), ограничивая охват термина «интонация» до исключительно функциональной стороны супraseгментных явлений в речи [Там же]. Мы не будем сужать понятие «интонации» до такой степени и далее будем употреблять его широко, не уделяя, однако, особого внимания словесному ударению. Что немаловажно, «использование в качестве просодических, или суперсегментных, характеристик речи длительности, интенсивности и частоты основного тона звука является одним из универсальных свойств человеческой речи» [26, с. 3].

Е. А. Брызгунова даёт следующее определение интонации: «И н т о н а ц и я – это различные соотношения количественных изменений тона, тембра, интенсивности, длительности звуков, служащие для выражения смысловых и эмоциональных различий высказываний» [5, с. 99]. Данное определение представляется удачным, так как помимо перечисления характеристик, составляющих интонацию, оно также акцентирует внимание на функциях данного явления. Добавим также, что единицей интонации считается интонама, под которой понимается «совокупность интонационных признаков (параметров), достаточных для дифференциации значения высказывания или его части и передающих коммуникативный тип высказывания, смысловую важность синтагм, членение на тему и ремю» [16, с. 197-198].

Возникает вопрос: распространяется ли явление языковой интерференции, имеющее место на всех уровнях языка, также и на интонационную систему? Ответ на этот вопрос, несомненно, положителен. И, несмотря на то, что интонация является практически абсолютной языковой универсалией, конкретные способы её применения для разграничения высказываний по их цели, выражению эмоций говорящего и акцентированию отдельных элементов дискурса являются узкоспецифичными для каждого конкретного культурно-языкового сообщества. Соответственно, совершенно ожидаемо появление интонационной (также называемой просодической) интерференции при возникновении и развитии как естественного, так и искусственного билингвизма.

По определению Г. М. Вишневской, «интонационная интерференция – взаимодействие интонационных систем в речи билингва в ситуации естественного или искусственного языкового контакта, проявляющееся в модификациях интонационных единиц и интонационных средств выражения, включающих мелодические, акцентуационные, ритмические, темпоральные и некоторые другие изменения в звучащем высказывании» [9, с. 54].

Какими способами исследуется интонационная интерференция? Многие учёные полагаются в своих работах на концепции интонационных конструкций (контуров и т.п.), разработанные на материале разных языков. Одна из наиболее популярных таких концепций была разработана в 70-е годы прошлого века Е. А. Брызгуновой для русского языка. Интонационная конструкция (ИК), по Е. А. Брызгуновой, – «тип соотношения тона, тембра, интенсивности и длительности звучащей речи, способный противопоставить несовместимые в одном контексте смысловые различия высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или высказываний с разным синтаксическим строением, но одинаковым звуковым составом словоформ» [5, с. 100]. По сути, ИК представляют собой наиболее типичные мелодические контуры языка (с некоторым учётом динамической составляющей). Всего исследовательница выделяет 7 ИК из бесконечного интонационного многообразия русского языка.

Хотя нельзя недооценивать вклад Е. А. Брызгуновой в исследование интонации путём обобщения огромного объёма эмпирических данных передовыми для своего времени методами, подобный подход к интонации в фундаментальной фонетической науке представляется редукционистским и чрезмерно сужающим предмет исследования сегодня, что и было убедительно показано С. В. Кодзасовым в «Просодическом строе русской речи» в 1996 году [23]. Тем не менее для прикладных исследований и целей лингводидактики возможность оттолкнуться от небольшого количества наиболее частотных и устойчивых конструкций весьма

ценна. Неслучайно так часто подобный подход мы встречаем в методической литературе, например, у Е. Я. Антиповой, которая на материале английского языка выделяет 6 тонов (движений тона) и 6 соответствующих им интонационных контуров с вариациями [1, с. 12-15, 20-35], или у Дж. Д. О'Коннора, который вообще ограничивается пятью «формами мелодий» для английского языка [33, р. 111-120]. Именно на основе такого взгляда на интонацию чаще всего строят свои исследования учёные, изучающие интонационную интерференцию сегодня, поскольку для идентификации отклонения от интонационной нормы (эталонной речи) необходимо иметь более или менее чёткое понимание этой нормы.

В отечественной лингвистике накоплен богатый опыт сравнительных исследований на материале русского как первичного или вторичного языка и наиболее популярных в России европейских языков (английского, немецкого, французского), а также языков народов России и наших ближайших соседей (украинского, башкирского, бурятского, азербайджанского, эстонского, якутского и др.). Результаты многих экспериментов удачно собраны и представлены в статье Ю. А. Дубовского и Т. Б. Заграевской [11].

Суммируя результаты многочисленных экспериментов, можно констатировать, что интерферирующему влиянию родного языка говорящего подвержены практически все компоненты интонации, как то: высота и направление движения тона (частота), общий мелодический диапазон, длительность (продолжительность), фразовый акцент, паузирование, ритм речи и т.д. Разумеется, словесное ударение, тему которого мы не затрагиваем глубоко в данной статье, также подвержено очень сильной интерференции. Приведём лишь некоторые отклонения от произносительной нормы, выявленные учёными в разное время:

- сужение/расширение мелодического диапазона;
- смещение мелодических пиков и фразовых акцентов;
- подмена контуров изучаемого языка контурами родного, например, восходяще-нисходящего простым восходящим;
- уменьшение крутизны подъёма или падения тона;
- искажение длительностей;
- чрезмерное или недостаточное паузирование;
- нарушение типичной ритмической структуры и т.д. [11; 14; 21; 19].

Многие ученые, исследующие проблему интонационной интерференции отмечают, тем не менее, что не любая интерференция приводит к эмоциональному или прагматическому искажению смысла высказывания и коммуникативной неудаче. Многие варианты интерференции появляются, не нанося урона коммуникации, и воспринимаются собеседником-носителем языка как черты акцента, но не как другое, отличное от ожидавшегося коннотативное наполнение высказывания.

Говоря о методах исследования, следует отметить, что упор делается в основном на аудиторский (слуховой) анализ учёным собранного или слышимого в ходе занятий и проч. интонационного материала [10; 14; 22]. Такое положение вещей выглядит естественным в силу доступности и простоты метода и вместе с тем – шатким, так как все выводы делаются лишь исходя из субъективного восприятия одного человека. Не стоит забывать о том, что «замыливаться» может не только глаз, но и ухо. И если двадцать лет назад упор на аудиторский анализ ещё можно было списать на недоступность и дороговизну оборудования, а также соответствующего программного обеспечения, в современных условиях есть все возможности для проверки субъективно воспринятых исследователем характеристик речи с помощью технических средств. Примером программного обеспечения (ПО) для более глубокого и точного акустического анализа записываемого аудиоматериала может служить бесплатная многофункциональная программа *Praat*, разработанная в Нидерландах [29]. Не может не радовать, что в последних работах в области интонационной интерференции учёные стали активнее обращаться к современному инструментарию фонетиста: «Лингвистические данные всего материала подвергались математико-статистической обработке акустических параметров аудиозаписей с помощью программ *SpeechAnalyzer*, *PRAAT*, *Elan* по мелодическим, темпоральным и динамическим параметрам» [19, с. 86].

Что интересно, универсальный характер интонации позволяет носителями типологически далёких языков опознавать такие типы высказывания, как вопрос и повествование. Это было отмечено ещё Н. Д. Светозаровой и коллегами [13] и экспериментально подтвердилось в нашем исследовании [20]. По результатам последнего и утвердительные, и вопросительные, и восклицательные предложения идентифицируются довольно успешно вне зависимости от родного языка слушателя и сегментного содержания высказываний, однако распознавание эмоций говорящего, а также считывание социолингвистических маркеров вызывает серьёзные трудности [Там же]. Как показывает опыт других исследований, именно интонемы, отвечающие за передачу эмоций сложнее всего в освоении и, как следствие, наиболее часто подвержены интерференции.

Изучение языковых особенностей в условиях непростой политической (включающей языковую политику) ситуации в государстве представляется сложной комплексной задачей, требующей привлечения методов из различных междисциплинарных направлений: лингвистика контактов, социолингвистика, диалектология и т.д. Вопреки человеческому желанию оградить свой язык от иностранных влияний язык, будучи живой подвижной системой, склонен вступать в лингвистические отношения с языками, в контакте с которыми он находится. Говоря о языковой интерференции, следует обратить внимание в первую очередь на фонетическую интерференцию – она представляет собой первичный уровень языковой системы и избежать её невозможно. Вместе с тем наряду с фонетической интерференцией существует интерференция интонационная – аналогично тому, как звуки интерферируют в стыкующихся языках, интерферируют друг с другом и интонационные конструкции. Интонация обогащает звуки и в плане фонетическом, и в плане смысловом, что делает её, в некоторой степени,

«надъязыковым», семантическим явлением. Не исключено, что интонация – последняя ступень во всех уровнях языковой системы. Ведь безупречное фонетическое владение произношением, но ошибочное интонирование вызывает подозрение в незнании истинных языковых и культурных реалий. Так, фламандские диалекты выказывают свое разнообразие не только фонетически, но и интонационно, вбирая в себя звуковые черты нидерландского и французского языков, но «подлаживая» их под свои лингвокультурные различия.

Результаты речевых контактов носителей нидерландского и французского языков, а равно и фламандских диалектов, можно и следует анализировать, учитывая значительный прогресс в исследованиях интонационной интерференции, на предмет не только фонетических, но и интонационных особенностей. Возможно, существует не только двойная фонетическая, но и двойная интонационная интерференция, когда одноязычный индивид (не имеющий специальной лингвистической подготовки) слышит, как на его языке говорят с иностранной интонацией, то само это его восприятие и интерпретация этой интонации будут подвергаться интерференции со стороны его родной интонационной системы.

Список источников

1. Антипова Е. Я., Каневская С. Л., Пигулевская Г. А. Пособие по английской интонации / на англ. яз. М.: Просвещение, 1985. 232 с.
2. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Книга вторая. Интонация // Асафьев Б. А. Избранные труды: в 5-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 5. С. 163-276.
3. Ахметжанов Б. Н. Фонетические основы интерференции: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1982. 16 с.
4. Бондарко Л. В., Лэйва Х. Ф., Лебедева Г. Н. Восприятие гласных неродного языка и механизмы фонологического слуха // Фонетическая интерференция: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Г. М. Вишневская. Иваново: ИвГУ, 1985. С. 5-22.
5. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. С. 96-122.
6. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. К.: Вища школа, 1979. 264 с.
7. Варюшенкова Н. Н. Фонетико-графическая интерференция в речи монголов на русском языке: дисс. ... к. филол. н. Л., 1985. 205 с.
8. Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Особенности фонетической интерференции языков разной степени родства // Проблемы фонологических исследований. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 115-116.
9. Вишневская Г. М. Интерференция и акцент: на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка: дисс. ... д. филол. н. СПб., 1993. 373 с.
10. Вольская Н. Б. Релевантные признаки интонационной интерференции (экспериментально-фонетическое исследование на материале акцентных ошибок русских студентов в английской речи): дисс. ... к. филол. н. Л., 1985. 193 с.
11. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Просодическая интерференция в условиях искусственного билингвизма (накопление экспериментальных данных для целей лингводидактики конца XX в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 2 (3). С. 657-666.
12. Дугашева К. К. Изучение фонетической интерференции в методических целях в условиях искусственного триязычия // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция: сборник научных трудов. Алма-Ата, 1989. С. 17-22.
13. Зиндер Л. Р., Бондарко Л. В., Гордина М. В., Светозарова Н. Д. и др. Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи: коллективная монография. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. 151 с.
14. Кубланова М. М. Языковая интерференция на уровне интонации (на материале английского языка): дисс. ... к. филол. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 171 с.
15. Кузнецова А. М. Вопросы интерференции и типологии фонетических явлений // Теоретическая фонетика и обучение произношению / под ред. С. А. Барановской и др.; УДН им. Патриса Лумумбы. М., 1975. С. 152-158.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
17. Любимова Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финско-русского двуязычия). Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 196 с.
18. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
19. Николаев А. И. Интонационная интерференция якутского языка в ситуации искусственного многоязычия (экспериментально-фонетическое исследование): дисс. ... к. филол. н. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, 2017. 216 с.
20. Петренко Г. К., Шумков А. А. Речь и музыка: точки соприкосновения. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2014. 192 с.
21. Петрунь П. С. Коммуникативные неудачи как результат интонационной интерференции (способы интонационного выражения просьбы носителями русского языка в американском варианте английского) // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2009. № 2. С. 155-160.
22. Позгорева Е. К. Универсальное и специфическое в интонационном оформлении эмоционально-окрашенных высказываний (экспериментально-фонетическое исследование на материале неродственных языков): дисс. ... к. филол. н. Л., 1988. 254 с.
23. Просодический строй русской речи / отв. ред. Т. М. Николаева; Институт русского языка РАН. М., 1996. 256 с.
24. Реформатский А. А. Фонологические этюды. М.: Наука, 1975. 136 с.
25. Rogozina N. N., Zamanstanchuk D. E. Интонация как объект лингвистической интерференции // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10: в 4-х ч. Ч. 4. С. 49-56.
26. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 176 с.
27. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике: в 2-х т. Л.: ЛГУ, 1958. Т. 1. С. 40-53.
28. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд-е 3-е, стереотип. М.: КомКнига, 2007. 428 с.
29. Boersma P., Neuven V. P. van. A system for doing phonetics by computer // Glot International. 2001. Vol. 5 (9/10). P. 341-345.

30. Caljon C. Le flamand de poche. Flemish phrasebook for French speakers. Chennevières sur Marne: Assimil, 2012. 192 p.
31. **Intonation systems: a survey of twenty languages** / ed. by D. Hirst, A. Di Cristo. Cambridge – N. Y.: Cambridge University Press, 1998.
32. Ledeganck K. L. Huld aan de nagedachtenis. Michiels, 1847. 68 p.
33. O'Connor J. D. Better English pronunciation. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 151 p.

PHONETIC AND INTONATION INTERFERENCE BY THE EXAMPLE OF FLEMISH DIALECTS

Petrenko Georgii Kirillovich

Ul'yanitskaya Lyubov' Aleksandrovna

Shumkov Andrei Arnol'dovich, Doctor in Philology

Saint-Petersburg Electrotechnical University

komrad-georgy2010@yandex.ru; ulianitckaia_liubov@mail.ru; noizen@mail.ru

The article conducts a theoretical scientific review devoted to the problems of studying phonetic interference. The language situation in Belgium is considered, in particular the results of speech contacts of the speakers of the Dutch and French languages by the example of phonetic features of modern Flemish dialects. Theoretical and practical (methodological) problems of studying intonation (its definition and classification of intonation constructions) and intonation interference are stated. The authors generalize the results of empirical studies of intonation interference over the past decades.

Key words and phrases: intonation; phonetic interference; Dutch language; French language; Flemish dialects.

УДК 81-22

Дата поступления рукописи: 26.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.31>

Статья освещает процесс прогнозирования чувственно-эмоциональной деятельности человека. Ставится задача обосновать тот факт, что эмоциональную реакцию участников диалога можно классифицировать как автоматическую и неавтоматическую. Методом контекстологического анализа описаны признаки ожидаемых и неожиданных эмоций. Делается вывод, что в основе автоматических эмоций лежит социально-закрепленное представление о переживании, а в основе неавтоматических эмоций лежит потенциально возможный или субъективно приписываемый объекту признак. Диапазон прогнозирования эмоций обусловлен ментальными особенностями индивида и культурными традициями референтной группы, к которой он принадлежит.

Ключевые слова и фразы: прогнозируемые и непрогнозируемые эмоции; мировоззренческие представления; чувственно-эмоциональная сторона жизни; дискурсивная перспекция; механизм тривиального и нетривиального реагирования.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

pilatova_vn@mail.ru

АВТОМАТИЧЕСКИЕ И НЕАВТОМАТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ В ЯЗЫКЕ

Цель нашего исследования – доказать, что эмоциональное речевое поведение человека можно классифицировать как автоматическое и неавтоматическое в зависимости от степени успешности дискурсивной перспективы его собеседника. Автоматическими мы называем ожидаемые, прогнозируемые слушателем эмоции. Неавтоматические эмоции, соответственно, – неожиданные, непрогнозируемые. Наша задача – показать, что возможный диапазон и границы прогнозирования чувственно-эмоциональной реакции собеседника во многом определяют речевое поведение говорящего.

Актуальность темы обусловлена необходимостью классификации эмоциональной реакции участников диалога с когнитивной точки зрения. Статья описывает иррациональную, чувственную сторону мышления, которая не является достаточно раскрытой с точки зрения лингвистики и требует дальнейшей разработки. Данная тема позволяет более полно раскрыть механизм прогнозирования эмоционального поведения людей в ходе общения. Принцип деления эмоций на автоматические и неавтоматические представляет собой новизну нашего исследования. Думается, что полученные результаты могут быть полезны для дальнейшей разработки теории ментальной деятельности человека.

Принято считать, что эмоциональное усиление речи является следствием использования выразительных средств языка [1; 3]. Эта мысль, с нашей точки зрения, справедлива по отношению к процессу восприятия слов. Что же касается порождения речи, то здесь, пожалуй, эмоции влекут за собой появление экспрессивных языковых элементов.

При этом эмотивные элементы, по мнению И. И. Туранского, наслаиваясь на основное содержание текста, усложняют и модифицируют его [5]. Хочется добавить, что усложнённый и модифицированный текст, как правило, требует экспликации и тем самым активизирует курс слушателя.